

УДК 811'255.4:811.161.3:811.161.1

СПЕЦИФИКА АКТАНТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Никитина Надежда Евгеньевна
ttt.iii@mail.ru

Доцент кафедры общего и русского языкознания БрГУ им. А.С. Пушкина,
Брест, Беларусь

Абстракт. В статье рассматриваются особенности актантных трансформаций, обнаруженные при сравнении белорусскоязычных произведений В. Быкова, В. Козько и И. Мележа и их авторских переводов на русский язык. Автор характеризует преобразования безличных конструкций при авторском переводе.

Ключевые слова: актантные трансформации, авторский перевод, имперсонал, безличная конструкция, субъект, объект, пациенс, диатеза.

Преобразования актантной структуры предложения представляют собой недостаточно изученную область в переводоведении. Наиболее значимыми исследованиями в этой области являются работы профессора В.Г. Гака и его последователей (Л.А. Оньковой, Р.В. Сычёва и др.), которые строятся на сопоставлении русского и французского языков. Работ, затрагивающих указанные аспекты перевода с близкородственных языков, а тем более авторского перевода (далее – АП), не существует. Однако наблюдения показывают, что актантные трансформации в АП с белорусского языка на русский обладают специфическими чертами. Цель статьи – классифицировать актантные трансформации, выявленные в ходе сравнительного анализа белорусскоязычных оригиналов и АП на русский язык произведений В. Быкова («Сотников»), В. Козько («Судный день») и И. Мележа («Минское направление»).

Под **актантами** понимаются участники глагольного действия (субъект и объект) либо «любой член предложения, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом» [1]. Различают актанты **семантические (реальные)** (субъект, объект и др.) и **синтаксические** (члены предложения: подлежащее, дополнение и др.). Соответствие между семантическими и синтаксическими актантами лексемы обозначается термином «диатеза».

Однако, являясь коммуникативным актом, АП предполагает возможность рассмотрения актантных трансформаций с коммуникативной точки зрения. В данном аспекте необходимо различать понятия «семантической роли» и «коммуникативного ранга» участников действия.

Согласно Е.В. Падучевой, **семантическая роль** характеризует актанта «с точки зрения его места в когнитивной структуре» (Агенс, Пациенс,

Инструмент, Адресат, Место и др.) [2, с. 93]. **Коммуникативный ранг** характеризует участника действия «с прагматической точки зрения – по отношению к фокусу внимания говорящего» (Субъект, Объект, Периферия, Нуль) [2, с. 93].

Таким образом, **диатезу** лексемы можно представить как «набор семантических ролей участников с указанием их коммуникативных рангов» [2, с. 97]. Под **актантной трансформацией** мы понимаем изменение соотношения между диатезами в исходных текстах и АП.

Для АП с белорусского языка на русский наиболее характерна актантная трансформация безличных конструкций (**146** примеров).

Категория личности / безличности представляет несомненный интерес в аспекте изучения переводческой деятельности с позиций антропоцентричности. Лингвисты относят её к категориям, которые в наибольшей степени зависят от выбора говорящего [3, с. 41]. Применительно к АП данный выбор интересен как в оригинальном контексте, так и в переводном, поскольку осуществляется одним и тем же лицом.

Категория личности / безличности ориентирована на соотношение прагматического и семантического компонентов высказывания, указывая на тождество либо нетождество говорящего и субъекта действия. Значит, для данной категории понятие субъекта действия является определяющим. Согласно классическим дефинициям, безличные предложения представляют собой конструкции, в которых «субъект либо выражен не подлежащим, либо вообще не получил словесного выражения» [3, с. 39].

Существует множество структурных и семантических классификаций безличных предложений, однако наиболее уместной нам представляется классификация, разработанная А.В. Петровым [4, с. 26–27], т. к. она объединяет структурно-семантические варианты русского безличного предложения: локативно-субъектные, дативно-субъектные, неопределённо-субъектные, безлично-генитивные, безлично-модальные и др.

Анализ текстов показал наличие трансформаций среди **10** из **12** вариантов безличных конструкций, исключая безлично-результативные и инструментально-тематические в силу их незначительного употребления в исходных текстах и АП. Следует отметить, что в абсолютном большинстве примеров (**118** из **264**, **45%**) безличные конструкции сохраняются при АП. Замена личного предложения имперсоналом наблюдается в **79** случаях (**30%**). Употребление личной конструкции вместо исходной безличной характерно для **67** пар эквивалентов (**25%**).

Обратимся к характеристике структурно-семантических вариантов безличных предложений, которые имеют личный эквивалент в исходном тексте либо в АП.

Заметим, что семантика имперсонала во многих случаях не означает полное отсутствие субъекта действия, а лишь делает его отстранённым. Абсолютное большинство трансформаций безличных конструкций в обеих моделях перевода приходится на **безлично-модальные** предложения, в которых выражаются разнообразные отношения между субъектом и действием

(возможность, необходимость, желательность и др.) [4, с. 34]. Для выражения субъектного значения используется дательный субъекта: *Але адысці ёй удалося недалёка: наперадзе немцы высадзілі дэсант. → Но уйты она смогла недалеко: впереди немцы высадили десант.* (Агенс-Субъект → Агенс – отстранённый Субъект); *Ну хто ж жыць не хоча! → Ну кому ж жыць не хочеться.* (Эксперіенцер-Субъект → Эксперіенцер – отстранённый Субъект) и др.

Подобные предложения могут быть грамматически неполными, однако опущенный инфинитив либо не требуется в составе фразеосхемы (*Калі спіць чалавек, ці да яды яму? → Когда спит человек, разве ему нужна еда?* (Пациенс-Периферия → Пациенс-Субъект)), либо легко восстанавливается из контекста (*– Нам патрэбны следчы, – вымавіў ён <...>. → – Нам надо (обратиться) к следователю, – проговорил он <...>.* (Пациенс-Субъект → Пациенс-Адресат)).

Употребление **безлично-генитивных** предложений более свойственно для модели перевода «асабовая канструкцыя → безличная конструкция», т. е. для текстов АП. Для данных предложений характерна семантика бытийности, которая проявляется в отрицании наличия субъекта (*Іх цяпер для яго не існавала <...>. → Они теперь для него не существовали <...>.* (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)) либо в увеличении его количества (*Лецежка стрымглоў ад Захар'і, адкуль тае і сілы ўзялося. → И Летечка бегом от Захарьи, откуда силы взялись.* (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)).

Дативно-субъектные предложения предполагают наличие пассивного отстранённого субъекта и характеризуют психофизическое состояние, которое субъект испытывает вследствие воздействия на него стихийных сил [4, с. 29]: *Чым больш аддаляецца Аўдоця ад таго лесу на беразе балота, тым вальней становіцца ёй. → Чем дальше уходила Шабуниха от леса, тем увереннее (она) чувствовала себя.* (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *І жахлівасць напала на Кольку. → И страшно стало Кольке.* (Пациенс – ложный Субъект + Бенефактив-Объект → Пациенс – отстранённый Субъект).

Кроме того, данные предложения могут выражать отношение субъекта к какому-либо событию: *– Гром?! – не наверылася Ніне. → – Гром?! – не поверила Нина.* (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *– Жнуць! – ашчасліўлена прамовіў Крывец. → – Жнут! – будто не верилось Кривцу.* (Агенс-Субъект → Пациенс – отстранённый Субъект).

Наличие датива не является обязательным, если субъект действия восстанавливается из контекста: *Але (яму) не сядзелася. → Но (он) не может сидеть.* (Пациенс – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Рыбак насцярожана паглядзеў у кут – яму не падабаліся няпрошаныя прароцтвы гэтага чалавека: адкуль яму знаць, даруюць ці не. → Рыбак неприязненно посмотрел в угол – (ему) становилось не по себе от непрошенных пророчеств этого человека: откуда ему знать, простят или нет?* (Эксперіенцер – отстранённый Субъект + Пациенс-Субъект → Причина – отстранённый Субъект).

Локативно-субъектные предложения относятся к таким безличным конструкциям, которые при АП часто заменяются личными. В качестве

отстранённого субъекта в этих предложениях выступает окружающая среда, «испытывающая» определённое состояние (*Ён нічога не бачыў тут, маленькае акенца слепа свяціла пад столлю, унізе быў змрок.* → *Минуту он ничего не мог рассмотреть тут, маленькое окошко вверху слепо светило на потолок, внизу же было темно.* (Место-Периферия + Пациенс – ложный Субъект → Место – отстранённый Субъект)) либо часть человеческого организма (*Пачуцці яго тупелі, засцілаліся прывіднай смугой, па-ранейшаму кружылася ў галаве.* → *Чувства его дремотно тупели, по-прежнему кружилась голова.* (Место – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект)).

В последнем случае следует говорить о «двойственном» субъекте, поскольку имеется (подразумевается) указание не только на часть тела, испытывающую психофизические ощущения, но и на её владельца: *Спакой, бадзёрасць і нават нейкае замілаванне адчуваў у сабе і Колька.* → *Так же чисто и свежо было и на душе у Кольки.* (Пациенс-Объект + Экспериенцер-Субъект → Место – отстранённый Субъект + Экспериенцер-Периферия).

Неопределённо-субъектные предложения также относятся к числу малопродуктивных конструкций при АП: *Рыбак ступіў і спыніўся, звывкла (нешта) рыпнула і сціхла пад яго ботамі <...>.* → *Сотников шагнул и замер, коротко скрипнул и затих под его бурками снег.* (Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Бахнуў (стрэл) і другі раз, і трэці.* → *Потом (что-то) бахнуло в другой раз и в третий.* (Пациенс-Субъект → Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект). В АП большинство из них выражены причастными конструкциями с семантикой волеизъявления неопределённого субъекта: *Вырашылі гэтую, другую булку хлеба, што засталася ад яе, падзяліць па скібачцы на ўсіх.* → *И решено было (кем-то) эту вторую буханку поделить по кусочку на всех.* (нулевой Агенс – нулевой Субъект → Пациенс – отстранённый неопределённый Субъект). Отстранённый субъект в данных предложениях одновременно является «объектом волеизъявления и субъектом результативного состояния» [4, с. 32].

Возможно, малая степень сохранения неопределённо-субъектных предложений при АП объясняется стремлением автора-переводчика акцентировать внимание читателя на источнике волеизъявления или заменить стилистически маркированную безличную конструкцию общеупотребительной, более свойственной живой речи.

В **инструментально-субъектных** предложениях дополнение в творительном падеже совмещает объектно-орудийное и субъектное значения [4, с. 30], что наглядно проявляется при сравнении исходного текста и АП: *І ён ужо нібыта ляцеў, так павявала лёгкім ветрыкам, як усё роўна ён сам крыламі, разводзіў гэты ветрык.* → *И уже лёгкий ветерок полёта прохладой обдувал его тело.* (Инструмент – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект).

Семантика исследуемых примеров часто связана с распространением и восприятием запахов, изменением температур: *Ад іх несла пахам цыгарэт, адэкалону, чуліся ўрыўкі размоў.* → *С их стороны доносился запах сигарет и одеколона, слышались обрывки случайных, ничего не значащих фраз.* (Инструмент – отстранённый Субъект → Пациенс-Субъект); *Здаду ўсё валіў*

холод – *Сотнікаў няўмела бразгаў дзвярыма, якія не зачыняліся.* → *Сзади всё несло холодом* – *Сотников неумело громыхал дверью, тщетно стараясь захлопнуть её.* (Пациенс-Субъект → Инструмент – отстранённый Субъект).

Проанализировав структурно-семантические варианты безличных предложений и связанные с ними трансформации при АП, можно сделать вывод о безусловном преобладании имперсонала в АП по сравнению с исходными текстами. Известно мнение А.М. Пешковского о том, что «история новых языков есть история вытеснения личного предложения безличным» [5, с. 345]. Анализ АП с белорусского языка на русский показал, что их история также есть история вытеснения личного предложения безличным. Причины данного явления лингвисты видят в семантико-стилистической выразительности безличных предложений, обусловленной безотчетностью, неосознанностью причин, произвольностью действия-состояния [6, с. 101].

Однако исследование показало, что случаи замены безличных конструкций личными также нередки. Кроме того, с нашей точки зрения, нельзя с уверенностью говорить о произвольности безличных предложений, поскольку анализ выявил наличие субъекта в большинстве из них. Так как в таких предложениях часто отсутствует прямое указание на субъект, то справедливо утверждать (вслед за Н.С. Валгиной), что при АП выбор безличных конструкций при наличии синонимичных личных, т. е. мена диатезы, «объясняется необходимостью по тем или иным причинам **устранить из речи** обозначение производителя действия и носителя признака» [7, с. 169] и тем самым придать лёгкость художественному повествованию.

Список использованных источников

1. Гак В.Г. Актанты // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/022c.html>. – Дата доступа: 05.07.2019.
2. Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. – М.: Русские словари, 1998. – Вып. 36. – С. 82–107.
3. Березина О.А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 4 (025). – С. 39–51.
4. Петров А.В. Категория безличности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01; Моск. пед. гос ун-т. – М., 2007. – 43 с.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 544 с.
6. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: учеб. для студ. пед. ин-тов: в 3 ч. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. – 256 с.
7. Валгина Н.С. Современный русский язык: синтаксис. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003 – 416 с.